

ПОЛИТОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 305–314

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 305–314

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-305-314>

EDN: QXTFJX

Научная статья

УДК 32+303

Поиск российской национальной идеи как фактор современной государственной молодёжной политики

Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

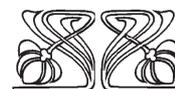
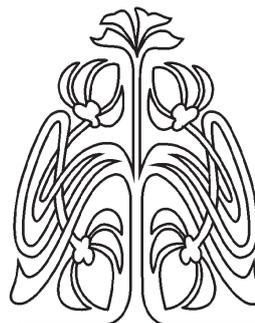
Аннотация. Настоящая публикация посвящена анализу одной из ключевых проблем стратегии современной российской государственной молодёжной политики. Это проблема устойчивого доминирования в молодёжной политике мотивов государственной благотворительности (систематические инвестиции бюджетных средств в решение текущих проблем молодёжи в целом, либо отдельных её групп) над мотивами национально-государственного интереса (обеспечения суверенитета и безопасности страны, решения задач её экономического развития) на протяжении всего постсоветского времени и вплоть до наших дней. Длительные и интенсивные поиски в указанный период российской национальной идеи существенно не повлияли на структуру мотивов сотрудничества государства со своими молодыми гражданами в вопросах воспитания, образования, профессиональной ориентации и ценностного выбора. Причину того, что молодёжная политика в идейном отношении развивалась сама по себе и поиски национальной идеи не наполняли её какими-то принципиально новыми смыслами, автор публикации усматривает в специфической технологии таких поисков – как политической технологии. Специфика обнаруживает себя в том, что поиск был направлен на максимальное совершенствование теоретической доктрины, призванной стать новой российской национальной идеей, на придание ей оригинальных формы и содержания. При этом из обсуждения исключались вопросы применения такой теоретической доктрины для решения практических задач внутренней российской социальной политики и, в частности, государственной молодёжной политики. Сегодня в российской политике наблюдается поворот: институты и практики, обычные для либеральной демократии, всё более наполняются консервативно-патриотическим смыслом. Возобновление в этой связи поисков российской национальной идеи может повторить судьбу предшествующих экспериментов в этом направлении. В мотивах молодёжной политики не образуется в данном случае значимой связи с национально-государственными интересами, и перспектива её выведения силами её субъектов на какой-то качественно новый уровень будет в очередной раз отодвинута на неопределённое время.

Ключевые слова: государственная молодёжная политика, национальная идея, политические технологии

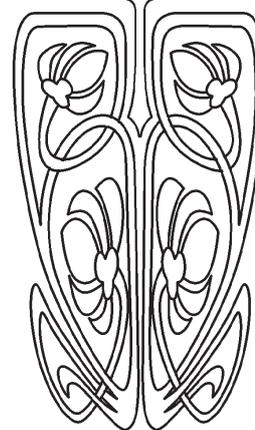
Благодарности. Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Отношение "цифрового" поколения к молодёжной политике в современной России: оценки, риски, варианты оптимизации», поддержанного Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

Для цитирования: Шестов Н. И. Поиск российской национальной идеи как фактор современной государственной молодёжной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 305–314. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-305-314>, EDN: QXTFJX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Search for the Russian national idea as a factor of modern state youth policy

N. I. Shestov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Nikolay I. Shestov, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Abstract. This article is devoted to the analysis of one of the key problems of the strategy of modern Russian state youth policy. This is the problem of sustainable dominance in youth policy of the motives of state charity (systematic investments of budget funds in solving current problems of youth, in general, or of individual groups) over the motives of national-state interest (ensuring the sovereignty and security of the country, solving the problems of its economic development) throughout the post-Soviet era and up to the present day. The long and intensive search for the Russian national idea during this period did not significantly affect the structure of motives for cooperation between the state and its young citizens in issues of upbringing, education, professional guidance and value choice. The author sees the reason that youth policy ideologically developed on its own and the search for a national idea did not fill it with any fundamentally new meanings in specific technology of such searches as political technology. The specificity reveals itself in the fact that the search was aimed at maximizing the improvement of the theoretical doctrine, designed to become a new Russian national idea, at giving it original form and content. At the same time, issues of applying such a theoretical doctrine to solve practical problems of internal Russian social policy and, in particular, state youth policy were excluded from the discussion. Today there is a turn in Russian politics: institutions and practices common to liberal democracies are increasingly filled with a conservative-patriotic meaning. The resumption, in this regard, of the search for the Russian national idea may repeat the fate of previous experiments in this direction. In this case, the motives of youth policy do not form a significant connection with national-state interests and the prospect of bringing it through the efforts of its subjects to some qualitatively new level will once again be postponed indefinitely.

Keywords: state youth policy, national idea, political technologies

Acknowledgments: The article was prepared as part of the research project "The attitude of "digital" generation to youth policy in modern Russia: assessments, risks, optimization options", supported by the Expert Institute for Social Research (EISR) together with the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Russian Academy of Sciences.

For citation: Shestov N. I. Search for the Russian national idea as a factor of modern state youth policy. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 305–314 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-305-314>, EDN: QXTFJX

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

За последние несколько лет в мотивационной сфере российской внутренней и внешней политики произошёл заметный идейный разворот. Либеральные институты и практики своего политического участия государство и общество стали наполнять нелиберальным, консервативно-патриотическим ценностным содержанием. Разворот достаточно быстрый. Во многом по той причине, что инициатива идеологической переполюсовки исходила от федеральной власти, пользующейся большим общественным доверием и поддержкой региональных элит. У отечественных интеллектуалов появился в этой связи повод вернуться к задаче, решить которую на протяжении всего постсоветского времени они пытались неоднократно, притом без очевидного практического результата. Задача состояла в создании российской национальной идеи. Идеи, более-менее понятной и близкой всем гражданам Российской Федерации, от рядового пенсионера до президента, которая сплачивала бы власть и общество в деле отстаивания национально-государственных интересов вне зависимости от личных идеологических предпочтений людей, частных интересов социальных и профессиональных корпораций. Поиск такой идеи уже идёт, притом достаточно активно [1–3] и при поддержке на самом высоком государственном уровне [4, 5].

Решение этой задачи сегодня было бы важным вкладом в успех государственной молодёжной политики. Государство вкладывается в эту политику своими немалыми материальными и организационными ресурсами. Оно старается расширить круг её сознательных и активных участников. Делается это для того, чтобы сформировать у новых поколений граждан максимально лояльное отношение к интересам и управленческим действиям институтов власти. Без такой лояльности какое-либо долгосрочное планирование государственного управления и прогнозирование его результатов лишено практического смысла.

При всём том достижению желаемого максимального уровня гражданской лояльности мешает парадокс. Он обнаруживает себя, в принципе, по всем направлениям социальной политики государства. Просто в сфере молодёжной политики он наиболее выражен. А именно чем больше становятся активность молодёжи и её охват различными мероприятиями, инициированными институтами власти (а это сегодня – главные формальные показатели успешности молодёжной политики), тем чаще препятствием для организаторов молодёжной политики на пути к их цели становится бесконечное разнообразие оценок молодыми людьми российской внутренней и внешней полити-

ки, деятельности институтов государственной власти федерального и местного уровней, политических лидеров.

Такое разнообразие естественно. Молодые люди по рождению принадлежат к разным социальным группам. У них разное образование и семейное воспитание, разные планы на жизнь. Они в силу возраста с повышенной критичностью относятся к опыту, политическому в том числе, своих предков и часто склонны к радикальным моральным оценкам политических событий. Их нелегко побудить воспринимать политическую жизнь в связи её прошлых, настоящих и будущих состояний. По крайней мере, на том уровне связанности, который позволяет говорить о наличии у политической культуры молодого гражданина конкретного идеологического фундамента. По большому счёту, значительная часть молодых граждан считает наиболее естественным для себя проявлять внимание к политике, но не связывать напрямую с ней свои планы на будущее и свои ценностные приоритеты [6]. По этой причине, вероятно, в последнее десятилетие в идеологической работе политических партий России можно наблюдать всё усиливающуюся тенденцию: чем более партия заинтересована в мобилизации на свою сторону молодёжного электората, тем более её программа напоминает пёструю смесь из ценностей и требований, прежде являвшихся исключительно маркерами только консервативной, только либеральной либо только социалистической идеологии [7, 8].

Привести это разнообразие индивидуальных восприятий политики к общему знаменателю можно было бы, как в советское время, воспитанием молодых людей в духе приверженности ценностям и смыслам официальной идеологии. Но постсоветские властные элиты, увлечённые своей борьбой с «коммунистическим тоталитаризмом», добровольно отказались от использования этого инструмента в политике вообще и в своей молодёжной политике в частности и даже придали этому отказу вид конституционного запрета.

Национальная идея доселе остаётся последним легальным инструментом, посредством которого государство может упомянутое бесконечное разнообразие представлений молодых людей о политике и своём месте в ней привести к какому-то общему основанию. Создать, образно выражаясь, «ядро» политической культуры молодого поколения своих граждан. Решение

этой задачи делает возможным государственное планирование молодёжной политики и выбор оптимальных средств её осуществления.

Этот последний инструмент имеет вместе с тем определённое функциональное преимущество перед политической идеологией, какой бы та ни была по форме и содержанию. Политические идеологии обычно привлекают сторонников правдоподобными проектами переустройства настоящего ради светлого будущего. Они дают возможность человеку и обществу ассоциировать себя с тем проектом переустройства, который более соответствует их историческому опыту, их частным интересам. Национальная идея является для человека и общества своего рода предупреждением от идеологических соблазнов. Она (если говорить о каком-то общем свойстве национальных идей в Новое и Новейшее время [9, 10]) представляет собой более или менее развёрнутое, в разной мере логичное и эмоциональное доказательство того, что без сформированной национальной идентичности, обеспеченной национальной безопасностью и охраняемого национального суверенитета упомянутых планов на светлое будущее шансов сбыться не так много.

Возобновившиеся сегодня активные поиски российской национальной идеи в случае удачного их завершения могли бы, таким образом, принести государственной молодёжной политике большую практическую пользу. Она, можно сказать, вышла бы на качественно более высокий уровень.

Проблема в том, что нет никаких гарантий, что новые поиски российской национальной идеи не закончатся с тем же малопригодным для политической практики результатом, что и прежние. И ранее, и сегодня эта работа имела поддержку на самом высоком государственном уровне. К участию в ней были привлечены самые известные специалисты – учёные и публицисты. Потребность в идее, которая функционально заместила бы собой социалистическую идеологию, отвергнутую элитой и немалой частью гражданского общества, осознавалась участниками этой работы вполне отчётливо. Но каждый раз, когда публике презентовалась очередная версия российской национальной идеи, появлялся повод вспомнить бессмертный афоризм покойного В. С. Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда!».

И прежние версии российской национальной идеи были яркими по форме и вполне ори-

гинальными по содержанию. Но каждый раз дискуссии по их поводу оставляли без ответа главный вопрос: как всю эту сложную философию, весь этот полёт теоретической мысли приземлить до конкретных нужд политической практики? На этапе постановки этого вопроса теоретическое обсуждение очередного варианта российской национальной идеи обычно сворачивалось. По прошествии какого-то времени предметом дискуссий становился уже другой её вариант. Научная мысль двигалась вперёд. Российская же политическая практика по факту оставалась без руководящей и направляющей идеи.

Чтобы понять причину, по которой российская политика так и не получила нужной ей национальной идеи, достаточно общего экскурса в историю технологий, применявшихся для поисков последней.

Начало этой истории положила попытка реформаторски настроенных политиков, политологов и философов примерить на роль российской национальной идеи хорошо к тому времени известную на либеральном Западе теорию так называемого демократического транзита. В непростой обстановке радикальных рыночных реформ и реформирования политической системы страны идея выглядела привлекательно, в каком-то смысле даже прагматично. Во многом потому, что подразумевала краткость времени перехода постсоветских государств и общества из-под «гнёта советского тоталитаризма» в лоно «цивилизованной демократии» за счёт простого копирования в России зарубежных практик решения политических, экономических, правовых и культурных задач [11]. Те граждане, которые перетерпят трудности «транзита», смогут насладиться благами жизни в «обществе потребления».

В популяризацию этой идеи включились отечественные СМИ, политическая наука и публицистика. Редкий публичный политический дискурс не содержал в себе отсылок к идее «демократического транзита» и как цели, определяющей смысл реформаторских инициатив властной российской элиты, и как инструменту возвращения России на некий магистральный путь развития мировой цивилизации [12].

Русская национальная идея, казалось, была найдена, а её теоретические основы глубоко и научно проработаны. Было сделано максимально возможное для её продвижения в массы, в медиасферу и образование, в моти-

вацию публичной политики. В массовом сознании, тем не менее, эта идея не прижилась и национальной идеей не стала. Почему?

Потому, вероятно, что по ходу научных дискуссий выяснилось – никакого единства мнений по поводу содержания понятий «демократия» и «транзит» у учёных и политиков нет. Ещё меньше ясности было в их практических рекомендациях, как такой «демократический транзит» осуществить в специфических условиях России как осколка СССР [13, 14]. Разнообразие научных мнений по поводу перспектив и смысла «демократического транзита» в нашей стране никак не способствовало единодушию мнений на этот счёт рядовых граждан. Для последних национальной идеей стало по факту выживание в условиях распада экономики и финансовой системы, товарного и денежного дефицита, а также «парада региональных суверенитетов». В таком контексте идея «демократического транзита» стала выглядеть неким философским фэнтези, не способным существенно повлиять на характер отношения рядового гражданина к радикальным либеральным реформам и на возможность гуманитарных наук разобраться в логике этого отношения. Для молодого поколения граждан на практике идея «демократического транзита» означала реализацию двух видов мобильности – образовательной и трудовой. На роль главного мотива молодёжной политики была, таким образом, предложена идея, что жизненный успех молодого гражданина предопределён его готовностью и возможностью стать участником транзитных процессов в культуре и экономике и совершить свой «транзит» за пределы российских общества и государства [15].

Судьбу идеи «демократического транзита» повторила задумка «ускоренной технологической модернизации» России. Идея должна была показать российскому обществу, пострадавшему от радикальных либеральных реформ, теорию «демократического транзита» в несколько другом, более прагматичном развороте. Убедить граждан, что политические жертвы, принесённые на алтарь светлого либерального и рыночного будущего страны, были не напрасны, они создали предпосылки для технологического рывка страны (в политике и экономике одновременно) в упомянутое светлое будущее. И в этот раз редкая публикация на тему преодоления последствий либеральных реформ и выхода России на новый уровень экономической

и геополитической субъектности, редкая научная конференция или публичное выступление чиновника обходились без включения в соответствующие публичные дискурсы понятия «модернизация» [16, 17].

Дискуссия на тему модернизационной стратегии развития страны тоже довольно быстро сошла на нет по причине того, как можно предположить, что у её участников не сложилось какого-то ясного представления о сути модернизационного процесса как феномена именно современной и именно российской демократической политики. Главным аргументом в пользу необходимости модернизировать Россию в начале XXI в. для них были ссылки на успехи модернизаций, осуществлённых в другое время и в другой России Александром II и П. А. Столыпиным. Либо примерами для специалистов, размышлявших о реалистичности стратегии модернизации в условиях распавшейся страны и разрушенной экономики, служил опыт зарубежных стран. Например, стран Восточной Европы, которые и до распада социалистического содружества жили богаче России, а переход от советской государственности к либерально-демократической у них не сопровождался, как в России, «парадом региональных суверенитетов». Итогом теоретической работы специалистов стало доказательство того, что политика модернизации как таковая это неплохая политика. Но в этом доказательстве не содержалось ответа на практический и потому актуальный для рядовых российских граждан вопрос: чем, собственно, новая ускоренная модернизация страны, не ставящая под сомнение либеральные принципы и формы организации национальной экономики и государственной политики, лучше предшествовавшей ей «гайдаровской» модернизации, апеллировавшей к тем же принципам и использовавшей те же «рыночные и конкурентные» управленческие механизмы?

Для молодого поколения граждан призыв активно включиться в реализацию модернизационных инициатив государства и бизнеса означал не какие-то реальные перспективы повышения социального статуса, роста благосостояния и продвижения по карьерной лестнице. От молодого человека политика модернизации требовала проявить личные смекалку и активность в конкуренции с себе подобными за достойное место в жизни и за то, чтобы не оказаться на её обочине. Со стороны государства главным инструментом помощи молодым

людям в этом деле, символом успехов политики модернизации и одной из главных форм участия молодёжи в этой политике была сделана Болонская система организации российского образования. Реализация в образовательном процессе принципа «академической мобильности» (иная формулировка давно известного принципа свободной рыночной конкуренции) должна была убедить российскую молодёжь, что политика модернизации распахивает перед ней любые двери в счастливую жизнь, преимущественно, правда, в направлении западных границ собственного государства. Ориентация на национально-государственные интересы у идеи «ускоренной модернизации», как новой мотивации молодёжной политики, оказалась выражена не на много лучше, чем у идеи «демократического транзита». По сути, пафос этих двух версий российской национальной идеи сводился к одному: молодые люди должны осознать, какие перспективы перед ними открывает включение их страны в процессы глобализации, и потому активно поддержать те меры, которые государственная элита предпринимает для ускорения этого включения. По мере того как отношения дружеского партнёрства между Россией и странами Запада трансформировались в отношения делового партнёрства, а затем и отношения военно-политической и экономической конкуренции, теоретизирование на тему «модернизация как путь России в светлое глобальное будущее» всё более теряло позитивный смысл. Потому, в первую очередь, что не давало ответа на простой, но очень важный для рядовых граждан и государственно мыслящей части элиты вопрос: кто или что сможет гарантировать национально-государственный суверенитет России, когда её экономика и политика станут расходным материалом в проекте, реализуемом западными глобалистами?

Если не дать прямой ответ на этот вопрос, то хотя бы смягчить его остроту и создать дополнительный стимул к продолжению поисков российской национальной идеи попытались участники дискуссии о «русской суверенной демократии», инициированной В. Сурковым в бытность его первым заместителем руководителя Администрации Президента РФ. История обсуждения этой версии национальной идеи закончилась фактически на этапе постановки вопросов, на которые сами учёные и политики не смогли дать ответ себе, не говоря уже о рядовых гражданах [18]. Чем «суверен-

ная» демократия отличается от прочих известных форм демократии? Что именно в политике, экономике, культуре и праве служит маркером этой суверенности? Как должна себя обнаруживать «суверенность» российской демократии в процессе выработки и реализации государственной молодёжной политики? Выходить с такими вопросами без ответов на широкую аудиторию, тем более молодёжную, учёным – участникам дискуссий о «суверенной демократии» – не имело практического смысла.

Неплохая перспектива стать новой российской национальной идеей была в постсоветские годы у неоевразийской идеи [19–21]. На стороне отечественных неоевразийцев был авторитет известных философов, историков, религиозных мыслителей – эмигрантов первой волны. Популярности и реалистичности этой идее добавляли интеграционные экономические и военно-политические процессы в азиатской части постсоветского пространства, инициатором и наиболее активным участником многих из которых была Российская Федерация. Всё это выглядело как возрождение России в качестве геополитического игрока. Неоевразийская идея со всех сторон выглядела подходящим инструментом легитимации этого процесса. Российской национальной идеей, тем не менее, эта идея тоже не стала. По всё той же причине. Участники многочисленных научных публикаций на тему теории и практики евразийской интеграции смогли чётко и понятно объяснить согражданам геополитическую выгоду для российских государства и общества от их участия в евразийских интеграционных процессах. Однако сторонники этой идеи, увлечшись обсуждением выгод и перспектив евразийской интеграции, а также геополитических проблем, не адаптировали неоевразийскую идею к практическим нуждам внутренней российской политики. Рассуждения об исконной «евразийскости» России и вытекающих из этой её цивилизационной специфики геополитических преимуществах и задачах не затрагивали более частный, но практически очень важный вопрос. Это вопрос о том, что поменяется в нашем Отечестве к лучшему для граждан и элит, для государственной социальной политики (важной частью которой является молодёжная политика), если Россия получит второе имя – Евразия? В практическом плане загадкой для российских граждан остался механизм их превращения из граждан России в граждан Евразии, особенно

в контексте усиливающихся на постсоветском пространстве миграционных процессов. В целом, та радикальная ломка российской общественной и государственной жизни, которую предлагали осуществить теоретики неоевразийства [22, 23], сильно напоминала своей «шоковостью» стратегию прежних либеральных реформ в нашей стране.

Ещё две версии российской национальной идеи были предложены российским гражданам и элитам в формате издательских проектов «Русская доктрина» [24] и «Проект Россия» («Проект Россия», «Проект Россия. Выбор пути», «Проект Россия. Третье тысячелетие» и «Проект Россия. Большая идея») [25]. Оба проекта российской национальной идеи отличаются глубокое философское (консервативно-православно-мистическое) содержание, которое представляет собой отдельный предмет для изучения. Для анализа проблемы, заявленной в названии настоящей статьи, важен другой аспект данной инициативы отечественных интеллектуалов. Они, в отличие от предшественников, изначально не стремились сделать свои замыслы по поводу содержания российской национальной идеи понятными для большинства представителей российской нации. Данный идейно-политический продукт изначально был адресован аудитории, которую можно было бы назвать «интеллектуальными сливками» российского общества и его элит, и предназначен для стимулирования патриотических чувств и консервативных настроений этой аудитории. Многие в этих манифестах национальной мысли представляло собой буквальное либо вольное переложение наследия российской имперской политической мысли XIX столетия и начала XX в., преимущественно консервативной и христианско-мистической. Как гражданам всё это использовать в качестве аргумента в пользу совместного с государством решения далёких от религиозной мистики текущих проблем социальной политики вообще и молодёжной политики в частности, этот практически важный вопрос авторы упомянутых доктрин по устоявшейся традиции оставили без ответа.

Ограниченный объем публикации делает невозможным даже краткий анализ всех инициатив по созданию российской национальной идеи, которые были так или иначе реализованы в постсоветский период. В этом нет и большой потребности. Даже те несколько примеров, которые были приведены выше, позволяют заме-

тить, что эксперименты с российской национальной идеей осуществлялись практически по одной схеме. Закономерно одинаковым был и результат.

Начиналось всё с того, что по инициативе кого-либо из интеллектуалов, близких к «верхам» российской государственной власти, в информационное пространство России вбрасывалось некое теоретическое понятие, не слишком известное среди специалистов, не говоря уже о широкой публике. Срабатывал эффект неожиданности, новация привлекала внимание всех, кто интересуется политикой. Специалистам, отслеживающим информационные коммуникации властей с гражданами, было понятно, что состоявшийся вброс не случаен. За ним стоит какой-то конкретный интерес управленческой элиты. В чём этот интерес? Какой смысл, заложенный в актуализированное понятие, в наибольшей степени адекватен этому интересу? Ответы на эти вопросы, предлагаемые политиками, публицистами и учеными становились предметом научных и публичных дискуссий. Расшифровке их глубинного значения посвящались научные мероприятия. По ходу этой творческой работы упомянутое понятие обрастало многочисленными, а нередко и противоречащими друг другу философскими и политологическими, историческими и культурологическими интерпретациями. Всё это разнообразие смыслов оперативно (посредством СМИ, по научным каналам и по каналам среднего и высшего образования) доводилось до сведения широкой публики.

Рядовым гражданам предлагалось, таким образом, самим разбираться в фундаментальных вопросах, каких-то согласованных ответов на которые часто не было даже у специалистов, хорошо подготовленных к решению таких интеллектуальных задач. Обычный российский гражданин (молодой в том числе), не обладающий навыками философской, политологической и прочей научно-гуманитарной рефлексии, должен был во всех упомянутых случаях самостоятельно решать, как из этого буйства философской мысли извлечь простой и убедительный для него аргумент в пользу необходимости сотрудничества с властями, когда те зовут его, например, поучаствовать в избирательной кампании, либо прийти на массовое политическое мероприятие патриотической направленности или же предлагают подключиться к волонтерскому движению, выбрать дефицитную про-

фессию, отправиться осваивать новые территории своей страны, создать крепкую семью и нарожать побольше детей.

Добросовестные разработчики российской национальной идеи до такой её профанации не опускались, а граждане в очередной её философской версии понятных ответов на свои вопросы к политике не находили. В результате три десятка постсоветских лет поиск российской национальной идеи движется по кругу: от периодического появления яркой теоретической формулировки до остающегося без ответа вопроса «что делать?».

По этому кругу до сих пор движется идейная основа молодёжной государственной политики. При отсутствии понятной и близкой молодым людям политической мотивации к сотрудничеству с государством они сотрудничают с ним на почве другой идеи, с политикой связанной лишь косвенно. Её можно назвать идеей государственной благотворительности. Она в своё время определила пафос и функциональность Федерального закона «О молодёжной политике в Российской Федерации». В ряду принципов государственной молодёжной политики, продекларированных в этом законе, наибольшей конкретностью смысла обладают два принципа: открытость и равный доступ молодежи, молодых семей, молодежных общественных объединений к соответствующим мерам государственной поддержки и приоритетность государственной поддержки социально незащищенных молодых граждан, молодых семей [26]. Ту же линию на создание «условий для формирования личности» и для «полноценной самореализации молодежи в социально-экономической и общественно-политической сферах» поддерживает документ под названием «Основы государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [27].

Благотворительность заключается в том, что некоторую часть общественных ресурсов, аккумулированных в казне, институты государственного управления направляют на решение более или менее масштабных проблем молодых людей. И многие из этих проблем действительно решают. Но решают ради достижения какой цели? Цели, подчеркнём, одинаково значимой и для государства, и для его молодых граждан. Самый распространённый вариант ответа, содержащийся в документах, определяющих стратегию молодёжной государствен-

ной политики, и в высказываниях на эту тему политиков и чиновников, подразумевает, что решение государством проблем молодёжи осуществляется с единственной целью – решить проблемы молодёжи. Смысл решения таким образом, заключается в процессе решения, как таковом, а не в получении государством какой-либо практической пользы от этого решения. Интерес молодёжи к продолжению получения государственной поддержки подменяет, таким образом, весь спектр политических и экономических, а также культурных заинтересованностей государства вкладывать свои административные силы и бюджетные в образовательную политику. Единственный государственный интерес, потенциальная возможность реализации которого просматривается за этой игрой смыслов, это создание некоторого более-менее устойчивого уровня лояльных настроений в молодёжной среде: лояльность государству в благодарность за государственную помощь.

Лояльность граждан – вещь государству полезная. Но лояльность гражданина не обязательно предполагает его готовность и способность делать что-то практически полезное, активно работать на благо государства и общества. Гражданин может быть лояльным, но все свои знания и навыки направлять исключительно на собственные нужды. Инвестиции государственных сил и средств в лояльность молодых граждан выглядят в таком случае не слишком надёжными вложениями. Для готовности молодого гражданина перевести лояльность государству в русло практических действий по укреплению его суверенитета и силы нужна цель более высокого порядка – такая, для достижения которой лояльность будет одним из необходимых условий.

В последнее время такая цель вроде бы обозначилась. В роли её маркера выступило понятие «государство-цивилизация». Идея, что Россия в историческом и современном измерениях представляет собой нечто цивилизационно уникальное, была озвучена Президентом РФ [28]. Эта идея, следует заметить, популярна у властных элит и в других странах, особенно там, где политическое руководство занимает в отношениях с внешним миром антиглобалистскую позицию, а во внутренних делах стремится активизировать ресурс сознательного патриотизма своих граждан. В частности, с близким по смыслу предложением видеть в современном Китае некую уникальную цивилизацию,

рождённую на свет государственной политикой модернизации, не так давно обратилось к своим согражданам и всему миру политическое руководство КНР [29]. Вероятно, интерес к этой идее будет расти. Можно предположить, что его проявят элиты и общества других стран, готовых поучаствовать в строительстве многополярного мира. В силу возможности у политиков и учёных предлагать самые разные интерпретации понятий «государство» и «цивилизация» эта идея вполне может сегодня, в XXI в., сыграть в мировой политике и в жизни отдельных стран такую же роль, какую в минувшем столетии играли, например, идеи «неприсоединения» и «социалистической ориентации».

На геополитическую и внутривосточную актуальность идеи «государства-цивилизации» оперативно среагировали публицисты и политологи, философы и историки. Дело не ограничилось дискуссией. Уже предприняты практические шаги по использованию этой идейной новации в качестве методологической основы при разработке учебных курсов по основам российской государственности. Всё это выглядит предложением обществу (в первую очередь его молодым представителям) со стороны власти совместно создавать какие-то новые фундаментальные принципы и формы организации политического и неполитического быта, которые смогут прийти на смену принципам и формам организации так называемых «обществ потребления».

В прежних версиях национальной идеи такое предложение тоже просматривалось. А это заставляет задуматься о риске того, что опыты с новой версией национальной идеи повторят результат предшествующих теоретических и практических экспериментов в этом направлении: национальная идея вновь не состоится. Сложность и разнообразие смыслов, которые современная наука вкладывает в понятия «государство» и «цивилизация», служат залогом неизбежности выхода теоретических дискуссий по этому поводу на уровень больших абстракций и метафизических смыслов. Дискуссии уже начали развиваться в этом направлении. В очередной раз обозначилась перспектива того, что ключевой для будущего национальной идеи вопрос «Как всё это будет работать на практике?» отодвинется на самый дальний план.

И вновь возникнет проблема несовместимости очередной версии национальной идеи с очередными задачами молодёжной политики.

Молодому патриоту, гражданину Российского национального государства, достаточно, например, просто объяснить, что именно и в чьих интересах он должен защищать, в чём состоит его патриотический долг перед своими государством и обществом. А в чём состоит его патриотический долг перед российской цивилизацией, которая то ли расширяет государство до своих границ, то ли государство ограничивает её своими интересами, институтами и функциями? Как новая национальная идея будет работать, наконец, на решение такой важной государственной задачи, как стимулирование выбора молодым человеком определённого места жительства и конкретной профессии? Где в идеале должен жить и чем в плане профессии заниматься молодой гражданин современного национального государства, науке и государственным управленцам, да и самим молодым людям более-менее понятно. Границы оптимального выбора стратегии профессиональной самореализации молодого человека задают интересы национального государства, его суверенное пространство, его наличные ресурсы развития, традиции государствообразующей нации. А где эти границы выбора будут проходить для молодого человека, осознавшего себя гражданином уже не национального государства, а государства-цивилизации? А если эти понятия необходимо будет сделать для него тождественными, то как такой тождественности добиться в теории, чтобы к этой теории могла бы апеллировать практика гражданского воспитания? Не меньше проблем возникает и на таком важном направлении молодёжной государственной политики, как поощрение создания молодыми людьми полноценной семьи. Что есть полноценная и крепкая семья как первичная ячейка нации и опора ныне существующего национального государства, это относительно понятно. А кто и как будет определять на практике полноценность и прочность российской молодой семьи в условиях её существования в пространстве государства-цивилизации? Государства, в котором, можно предположить, будут актуальны совсем иные, чем в национальном государстве, подходы и масштабы для оценки явлений, процессов, институтов. Будет востребовано иное понимание традиционности либо нетрадиционности, место нынешних разнообразных и конкретных интересов национального государства займут некие цивилизационные тенденции его развития.

Если в теоретических дискуссиях эти практические вопросы изначально не будут поставлены, если не они, а обычное стремление теоретиков к созданию изысканных философских формулировок будет определять технологию поисковой работы, то не исключён вариант, что и в этот раз дискуссиями, собственно, поиск российской национальной идеи и ограничится. Молодёжная политика в этом случае продолжит быть политикой государственной благотворительности.

Список литературы

1. *Лутовинов В. И.* Национальная идея и стратегия национальной безопасности России как основа её развития в XXI веке // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2021. № 3 (29). С. 34–37. <https://doi.org/10.21777/2587-9472-2021-3-34-37>
2. Национальная идея России это идея прекрасного будущего нашей страны. URL: <https://нац-идея.рф> (дата обращения: 10.02.2024).
3. Россия снова в поисках национальной идеи. 3 июня 2022. URL: <https://topwar.ru/197084-rossija-snova-v-poiskah-nacionalnoj-idei.html> (дата обращения: 12.02.2024).
4. Путин рассказал о национальной идее России. 10 мая 2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8438743> (дата обращения: 20.03.2024).
5. «Россия – государство-цивилизация». Эксперты ЭИСИ обсудили один из судьбоносных «валдайских» тезисов Путина. URL: <https://life.ru/p/1613794> (дата обращения: 28.03.2024).
6. *Фомина Е. А., Соломонов В. А., Соколовский М. Л.* Типологические особенности взаимосвязи социальной активности и личностных предикторов политических предпочтений у молодежи // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2022. № 2 (89). С. 198–205. <https://doi.org/10.37493/2307-907X.2022.2.25>, EDN: XLQAWM
7. *Баранов Н. А.* Идеологические установки ведущих российских политических партий в преддверии выборов 2021 года // Социально-политические исследования. 2021. № 1 (10). С. 5–21. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2021-1-10-5-21>, EDN: YUVTEN
8. Парламентские партии в эпоху трансфера 2023–2024. Доклад Фонда прогрессивной политики. URL: <https://progresspolicy.ru/wp-content/uploads/2023/03/Parlamentskie-partii-v-epohu-transfera.pdf> (дата обращения: 10.03.2024).
9. Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории / отв. ред. В. С. Бондарчук. М. : Зерцало-М ; Вече, 2005. 496 с. (Исследования по всемирной истории / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).

10. Буйло Б. И. Национальная идея в философской и социально-политической мысли России // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 2. С. 9–18. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-79-2-9-18>, EDN: NSGCPC
11. Гайдар Е. Т. Государство и эволюция / Фонд «Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара», 2022. URL: <https://www.litres.ru/book/egor-gaydar/gosudarstvo-i-evoluciya-67923852/chitat-onlayn/> (дата обращения: 17.03.2024).
12. Наумова Н. Ф. Рецидивирующая модернизация в России как форма развития цивилизации // Социологический журнал. 1996. № 3–4. С. 5–28. EDN: UGARJT
13. Рини И. Б. Характерные черты демократического транзита на постсоветском пространстве // Синергия наук. 2018. № 30. С. 2326–2345. EDN: YTDDBR
14. Величко С. А. Демократический транзит в России // Человек и общество в нестабильном мире : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Г. И. Тюменцева. Омск : Омская юрид. акад., 2019. С. 26–31. EDN: ZSTOIH
15. Семенова Л. А. Кадровый потенциал постсоветской России: потери, обретения, проблемы. Социологический анализ. Saarbruken, Germany : LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co.KG Dudweiler Landstr, 2011. 97 с. EDN: QBAOVH
16. Моцелков Е. Н. Политическая модернизация в России: современные дискуссии и национальный политический опыт // Модернизация и политика: традиции и перспективы России. Политическая наука: Ежегодник 2011 / гл. ред. А. И. Соловьев. М. : Политическая энциклопедия, 2011. С. 139–155. EDN: XWCXSH
17. Гармаш И. Ю. Этапы политической модернизации России: анализ содержания научных дискуссий // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 1 (18). С. 82–87. EDN: OKMSMX
18. PRO суверенную демократию : сб. / сост. Л. В. Поляков. М. : Европа, 2007. 632 с.
19. Умланд А. Патологические тенденции в русском «неоевразийстве» о значении взлета Александра Дугина для интерпретации общественной жизни современной России // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 74–82. EDN: IPITOP
20. Прудников А. Ю. Демократия и диктатура в «неоевразийстве»: синтез или омонимия? // Вестник Пермского университета. Политология. 2011. № 1 (13). С. 101–113. EDN: NUOWBJ
21. Базавлук С. В. Критика евразийства и неоевразийства // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1, № 8. С. 726–735. EDN: VPRWYQ
22. Дугин А. Г. Проект «Евразия». М. : Эксмо ; Язуз, 2004. 512 с. (Путь России).
23. Гасилин В. Н., Рязанов А. В. Социально-философский анализ и критическая оценка проекта А. Г. Дугина «Евразия» // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2014. № 5 (44). С. 80–87.
24. Русская доктрина. Государственная идеология эпохи Путина / под общ. ред. А. Б. Кобякова, В. В. Аверьянова. М. : Ин-т русской цивилизации, 2016. 1056 с. (Русская цивилизация).
25. Проект Россия. Официальный сайт книги. URL: <http://www.proektrussia.ru> (дата обращения: 10.04.2024).
26. О молодежной политике в Российской Федерации : федер. закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
27. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года : утв. Распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-п. URL: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения: 02.03.2024).
28. Путин считает емкой формулировку о России как о самобытном государстве-цивилизации // ТАСС. 5 октября 2023. URL: <https://tass.ru/politika/18920563> (дата обращения: 09.04.2024).
29. Си Цзиньпин заявил о создании в Китае новой формы цивилизации человечества // ТАСС. 29 февраля 2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20112283?ysclid=lvxt71rgjs324267021> (дата обращения: 09.04.2024).

Поступила в редакцию 17.04.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 06.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 17.04.2024; approved after reviewing 26.04.2024; accepted for publication 06.05.2024; published 30.08.2024